

Пряник, или Мой шикарный босс
Идеалист, или Мечтать о такой, как ты
Спагетти, или Сюрприз для любимого
Игры, или Думаешь, это любовь?
Нарру End, или Измена в рамках приличий
Путаница, или Любимый мотив Мендельсона
Неотразимая, или Основы женского шарма
 Не торопи любовь
Экстрим, или Девушка с амбициями
Дикарь, или Я все равно тебя найду
Ройбуш, или Маленькая женщина
Отпад, или Свадьба моего мужа
Иллюзион, или История одного развода
Фифа, или Счастья тебе, дорогуша!
Спонсор, или Муж объелся груш
Ежики, или Мужчины как дети
Соседки, или Не в парнях счастье
Мачо, или Не ходите, девки, замуж!
Ягодка, или Пиллюли от бабьей дури
Stop! Это мужской мир, подруга!
Алиса, или Зеленый подъезд
 Виртуальные связи
Квартирный вопрос, или Байки черного маклера
 Плохие девочки
Гений, или Истории любви
 Содержанки
 Рыцарь нашего времени
 Пепельный блондин
 Загадай желание
 Обыкновенный волшебник
Впервые в жизни, или Стереотипы взрослых женщин
Фокус-покус, или Волшебников не бывает
 Как женить слона
 Девушка без имени
 Такая глупая любовь
 Все дело в платье
 Апрельский кот
Кот, который гуляет со мной
Личная жизнь женщины-кошки

В Татьяна
Веденская

Неотразимая, или
Основы женского шарма

Лучшие романы об отношениях мужчины и женщины от одного из самых ярких авторов российского мейнстрима. Возвращают к счастливой жизни быстрее, чем сеансы психотерапевта.

роман

Москва 2017

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
В26

Оформление серии *С. Прохоровой*

Издание осуществлено при содействии
литературного агента *Н. Я. Заблоцкиса*

Веденская, Татьяна.

В26 Неотразимая, или Основы женского шарма : роман / Татьяна Веденская. — Москва : Издательство «Э», 2017. — 320 с. — (Жизнь прекрасна. Позитивная проза Татьяны Веденской).

ISBN 978-5-699-97947-9

Разумеется, среди женщин есть счастливицы, которых мужчины никогда не бросали. Возможно даже, таких большинство. Но если ты не из их числа и тебе не повезло? Если муж оставил тебя одну с детьми на руках, без всяких средств к существованию и с огромным денежным долгом? Тебе хочется выть? О'кей, твое право — немного можешь поплакать. Только сильно не увлекайся! Лучше подумай: а вдруг все к лучшему? Ведь ты красива, умна, энергична. Сексуальна, в конце концов! Ты забыла об этом? Тогда самое время вспомнить, что тебе все по плечу, что весь мир ляжет к твоим ногам, стоит тебе только этого захотеть!

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Саенко Т., 2017
© Оформление.

ISBN 978-5-699-97947-9

000 «Издательство «Э», 2017

Часть первая МИЛЛЕНИУМ

ГЛАВА 1 В КОТОРОЙ ОДНА МИЛАЯ СЕМЕЙКА ОТМЕЧАЕТ НОВЫЙ ГОД ПОД ЕЛОЧКОЙ

У кого ни спроси — это обычная и банальная житейская история, драма у кухонной плиты. Подумаешь, эка невидаль, бросил муж. А кого они сегодня не бросали? А сколько среди российских жеребцов таких, о которых только и молиться, чтобы бросили. А то иные пьют, распродавая по частям небогатое семейное имущество, и ставят синяки, чуть им скажешь слово. Но только не мой. Мой Сережка, когда женился, сразу пообещал мне:

— Ты, Олька, знай. Отныне ты за мной, как за этой... стенкой.

— Болгарской, что ли? — усмехнулась я тогда.

Но «стенки» не получилось. Только если плетёный заборчик, покосившийся и немного облезлый. Жила я за ним, а через щели просвечивал весь мир. И вроде стоит, а двинь плечом или спичку поднеси....

Мы поженились в 1988 году. Мне тогда было восемнадцать — барышня в цвету.

— Ты, Оленька, последняя русская красавица, — говорил Серега, прогуливая меня по Арбату.

Очень он любил Арбат за его возможности. Ходишь как по музею, а платить ничего не надо. И до моего дома не так далеко. Сел на «бэшку», троллейбус, крутившийся по Садовому кольцу, и ты дома, на Покровке. О пробках мы тогда век не слышали, не было чертям такой печали.

Вот так Серега меня и соблазнял. Под творческие потуги местного бомонда.

— Как же ты, Оль, хороша с косой. И глаза у тебя, как ому-ты. Гарна дивчина. Хоть и полненькая.

— Да уж, сокол, комплименты у тебя своеобразные. Разве же пристало говорить женщине о ее весе? И потом, всем известно, что мужики любят полненьких.

Я, конечно, обижалась, но не сильно. Знала, что хороша. С самого детства ото всех только и неслоь:

— Что это за глазки, с ума сойти, огромные, серющие, пронзительные. А что за волосы! Густые, шелковые.

Еще все носились с моей непосредственностью, общительностью, забавностью... В общем, проблем с положительным отношением к себе у меня не было. Почему я выбрала Серегу? Сейчас я, конечно, думаю, что это была моя главная ошибка в жизни, но это потому, что он меня бросил. А тогда... Тогда он был влюблен, горяч, заканчивал пищевой институт (что, без сомнения, доказывало его серьезность и взрослость), в отличие от меня, легкомысленной бабочки, порхающей на родительские деньги. Короче — ближе к ночи. Обаял. К слову сказать, папочка мой с мамочкой в восторге не были. Все-таки они у меня люди с положением, проработали всю жизнь в одном

многоуважаемом советском министерстве. То есть папа, конечно. Потому что мама исполняла долг любящей жены и матери. Они спросили меня, свою единственную и крайне любимую дочку:

— Детка, а ты не спешишь? Тебе же только восемнадцать. Может, присмотритесь?

— Он будет любить меня всю жизнь. Папочка, да он меня на руках носит!

— Но это у всех проходит со временем! — справедливо намекнула маман.

Но в голове у меня гулял ветер. Короче, грянула свадьба. На свадьбу к нам прибыли солидные папины сослуживцы и жеманные мамины коллеги по брачно-министерскому цеху. Они вручали дорогие подарки, с сожалением и плохо скрытым разочарованием целовали меня в щеку и старались отойти подальше от шумной и вульгарной Сережкиной родни из Украины.

Да, я забыла сказать, он был родом из Мариуполя. Поэтому жить мы стали у меня. И вот, прожив без малого двенадцать лет, расстались. Вернее, не расстались, а он меня вероломно бросил. Причем, заметьте, бросил с двумя детьми на руках. Шурке десять, а Анюте вообще едва исполнилось четыре.

Произошло сие знаменательное событие два дня назад, двадцать девятого декабря. Он пришел с работы раньше обычного и тихо присел на краешек стула в кухне. У него было такое бледное лицо, что я испугалась, не заболел ли соколик. Но нет. Соколик изрек:

— Ольчик, мне надо с тобой серьезно поговорить. Ты сядь.

Я изумилась. Последние десять лет вопросов серьезнее покупки колясок и санок мы не решали.

— Что случилось?! — спросила я.

— Нам надо расстаться.

— В каком смысле? У тебя что, командировка?

— Нет... — чуть слышно проговорил он.

Я начала перебирать возможные варианты.

— Тебя кладут в больницу? Ты заболел?

Он замотал головой. И тут до меня начало доходить.

— Ты что, нашел себе другую? Бабу, что ли?

Тут Серега так утвердительно засопел, что я и вправду плюхнулась на стул и уставилась на мужа.

— Ты о чем?

— Я уйду к другой. Совсем, навсегда, — выдавил он из себя. И героически побледнел.

— А как же я? Я же без тебя не могу!

Господи, я бы все отдала, чтобы пережить этот момент как-то подстойнее. Но, что выросло — то выросло. Я заплакала. А что мне оставалось, если хорошенько пораскинуть мозгами? Вот уже невероятное количество лет все мои дни и ночи подчинены неувимому, но настойчивому ритму семейной жизни. Дети — муж, муж — дети. Магазины — готовка — прогулка — уроки. Деньги, энергию и много чего другого я черпала в этом незыблемом понятии — муж.

— Ты уж как-нибудь сама теперь. На всех меня не хватит.

— Но у нас же дети! Сереженька, может, мы как-то по-другому все решим? Я же люблю тебя. — Что я говорю? Вот позор! — Не уходи. — Интересная версия, только с большой головы я могла ляпнуть такое. Какой, интересно, другой выход?

— Все решено. Я был с вами много лет. Больше не могу.

— Но чего? Чего ты не можешь? — Я протянула к нему ру-

ки. Паралич воли настигал меня с невероятной скоростью. Хотелось включить перемотку назад и стереть все эти нелепые, невозможные кадры. Как это он уйдет? Все же кончится, время остановится, вода перестанет течь к океану. Наши дети никогда не вырастут.

— Да не могу я только пахать, чтобы потом видеть тебя в одном и том же засаленном халате. Есть одни и те же макароны с сыром и слушать бред твоей маменьки.

— Но ведь девочки? — приперла я его к стенке.

— Тамара тоже ждет от меня ребенка. Сына. Я ее люблю и ей нужнее. А ты просидела на моей шее двенадцать лет, растолстела так, что с тобой спать противно. Пора тебе уже самой отвечать за себя.

Тут я ахнула и схватилась за сердце. Сергей поспешно принялся паковать чемоданы, запихивая туда все ценные вещи, которые попадались ему на глаза.

— Что ты делаешь?! Это же наши семейные драгоценности! — заорала я, хлебая по ходу дела валерьянку.

Этот момент я потом много раз крутила так и сяк в голове, но всегда приходила к одному и тому же выводу — я дура. Полная. И не просто полная, а очень полная, которой к тому же за тридцать. Ну и что с того, что человек много лет спал с тобой в одной кровати и давал деньги на еду? Как можно было заливать пол слезами и позволять ему в это время выносить из дома почти все ценное? Большая часть добра куплена кем? Муженьком? Ан нет, моим папочкой!

— Киса, у меня сейчас очень сложный период. Нужны деньги для беременной женщины. А вы не пропадете. И я вам помогу, как только смогу.

Он собирался и говорил все быстрее, словно боялся, что я сейчас перестану падать в обморок и вызову милицию. Простая мысль, что у нас с девчонками теперь тоже начинается СЛОЖНЫЙ период, посетила мою голову в тот момент, когда я стояла босиком на лестничной клетке и смотрела, как кабина лифта увозит моего теперь бывшего и львиную долю всех наших семейных накоплений.

Я чувствовала себя героем Стивена Кинга, которого на потребу жестокой публике поместили в виртуальную реальность. Герой оглядывается, а все вокруг начинает сползать, осыпаться, превращаться в дымку. Пока последние остатки реального мира не трансформируются в грязно-серое ничто.

Я упала в обморок прямо там, у лифта, в пыль плохо помытого кафеля лестничной клетки. Было бы здорово, если бы Серый, осознав всю чудовищность своего решения, вернулся, нашел бы меня, полуголую и бездыханную. Он прикрыл бы от ужаса рот рукой, словно заглушая невырвавшийся крик, подхватил бы меня на руки, открыл бы ногой дверь и... Я поняла, что не могу больше лежать на кафеле. Сознание ко мне вернулось, а телу было довольно холодно. Ждать Сергея не было никакого смысла, так что я самостоятельно доковыляла до дому до хаты и принялась обалдевать.

Прошло два дня. Сегодня, слава богу, Новый год, так что можно бы и радоваться. Праздник все-таки. Но я сижу у себя в комнате, реву, пью валерьянку с водкой, коктейль «Разведенка», и думаю о том, как хорошо, что папочка не дожил до этого дня. Дочери периодически пытаются привести меня в чувство, и тогда я реву еще горше. Иногда заходит моя драгоценная маменька и выдает что-нибудь вроде: «Да, доченька, говорила я,

что он не пара тебе. Не послушалась меня, вот и получай по заслугам. Теперь узнаешь, как одной двоих детей поднимать». После этих комментариев прошлого и настоящего я наливала себе еще водки. Тогда моей умнице Шурке, старшенькой, пришла в голову гениальная идея пригласить на праздничный обед мою давнюю подружку Машку — Матильду. Полезностей от этого было две: во-первых, по крайней мере, будет кому со мной пить и принимать на себя мои пьяные стенания относительно того, что все мужики — козлы. Во-вторых, найдется тогда хоть кто-то, кто накроет праздничный стол. Шурик хотела праздника, хотела еды и устала плакать вместе со мной по безвременно ушедшему (от нас) папаше. Анюта же крайне сильно рассчитывала и на Деда Мороза, и на кучу вкусок. В результате часам к трем этого веселого миллениума в мою обширную трешку на Покровке прибыла Мотыка вместе со всеми своими девянстами пятью килограммами, равномерно распределявшимися на ста восьмидесяти двух сантиметрах ее нехилой фигуры. Кстати, на фоне Матильды я всегда чувствовала себя Жизелью, хотя и сама всего чуть-чуть не добрала до восьмидесяти.

— Что же это он, подлец, делает?! — с места в карьер бросилась Мотыка.

Я ответила ей честным воем. За слезами легко прятались и безнадежность, и нежелание что-либо решать или понимать. Жалейте меня, утешайте. Я такая несчастная. Ни в чем не виноватая!

— И носит же земля таких подлецов, — приступила к исполнению священного долга НАСТОЯЩЕЙ ПОДРУГИ Мотя.

Я утвердительно выпила водки. В моих глазах Машка нача-

ла потихоньку раскачиваться. Девяностокилограммовый маятник, причем трезвый. Короче, новое тысячелетие мы справили примерно так: Анюта спала в кресле около грохочущего телевизора, Шурик поглощала все привезенные и изготовленные кулинарно-гениальной Мотькой блюда, бабушка всем читала нотации, а мы с уставшей от треволнений Машулей быстренько привели наши состояния к одному общему знаменателю и дальше уже душевно набирались, муслируя подробности негодяйского поступка моего супруга.

Наутро у нас закономерно раскалывалась голова. Память обрывалась примерно в следующей точке: «А давай эту суку найдем и пристрелим». — «Ну нет, это скучно. Надо ее за ноги привязать к мосту над Яузой и оставить висеть». — «А можно подстеречь в подъезде и дать по голове монтировкой. Тогда у нее точно выкидыш случится». — «Тогда у нее может и выкидыш мозгов случиться. Между прочим, уголовно наказуемый. Хочешь в клетку?» — «Ну и пусть, ну и отлично! Можно подумать, что кверху попой над Яузой она будет висеть абсолютно законно».

Возможно, дальше мы придумали бы что-то еще более дельное, но головы решили остановиться на моменте монтировки и отключили у нас обеих функцию записи. Наутро под колокольные удары мигрени начали вползать неправильные мысли. Мы валялись на осиротевшем супружеском ложе и делились ими:

- Вот скажи, Мотька, я самая страшная на земле бабища?
- Да что ты. Есть и страшнее.
- Понятно. Но мало, — соглашалась я.
- Ты, Олечка, баба хоть куда. И глаза по-прежнему огром-

ные, и коса до жопы. Только немного бы похудеть, — не стала напрягаться по поводу тактичности подруга.

— Так это и тебе не мешало бы, — совершила я «калаверды». Мотька почему-то не обиделась.

— Да уж. Но главное, надо халат сменить. И вообще, мужикам, как выясняется в последнее время, нравятся личности.

— Да? — удивилась я. — А раньше они сами хотели ими быть.

— Нет, Олька, ты меряешь категориями прошлого тысячелетия.

— Однозначно, — не спорила я, памятуя о дате, так лихо отпразднованной вчера.

— Сейчас любят бизнес-леди, а ты кто?

— Домохозяйка, — вздохнула я. И было от чего вздыхать. Я никогда в жизни, ни при каких обстоятельствах не работала. Сначала папа хотел, чтобы я нашла себе дело по душе. Потом, когда я нашла и оказалось, что это дело — Сергей, то уже Сергей считал, что место жены — дома в ожидании мужа. Естественно, когда народились дети, их жаль было отдавать в сады. Вот так я и приехала. Из личности — в усовершенствованный кухонный комбайн. Многопрофильный. Еще не старый. Никому не нужный.

— Мотька, а как же мне дальше жить?

— Как? На алименты. Ведь Серега-то у тебя парень с совестью, небось поможет собственным дочкам.

— Надеюсь, — неуверенно пробормотала я и напомнила: — Только у него там краля сыночка ждет.

— А вот это п....ц, — не постеснявшись бродившей, как тень отца Гамлета, мамочки, изрекла Матильда.

Вчера, конечно, мы уже обсуждали факт новоявленного отцовства моего милого. Но абстиненция — она и есть абстиненция, голова ничего не держит. Мотья выругалась, вспомнила все и довольно сильно загрустила. И была права.

И хоть я сама понимала, что дальше будет плохо, а все ж таки от шока меня ничто не избавило. Обычно я, как нормальная замужняя женщина, брала деньги в тумбочке. Кто их туда клал, какой такой Дед Мороз, меня не интересовало. Теперь тумбочка давать наличность перестала. Однако выяснила я это не сразу, а только после того, как от денежных запасов нашей ампутированной на одну конечность семьи осталось тридцать долларов, а все общие знакомые сообщили, что понятия не имеют, где может быть Сергей. Когда же по номеру его родимой пиццерии, где он бизнесменил последние пять лет, сказали, что нет не только Сергея Анатольевича, но и самой пиццерии тоже, я поняла, что имел в виду бывший муж, говоря: «Дальше как-нибудь сама». Тридцать долларов и двое голодных детей. Тридцать долларов и улюлюканье моей матери: «Я предупреждала, что твой Сереженька — подлец, каких поискать! И не могло по-другому получиться». Плюс к этому я совершенно не представляла, где и как искать работу, которая сможет нас прокормить прямо сейчас. Пожалуй, в этот момент я бы простила Сереге все, что угодно, лишь бы он вернулся. Даже если бы он привел к нам жить свою брюхатую подругу. Только бы дал денег. Ау, люди! На что жить женщине без образования и какого бы то ни было жизненного опыта, но зато при куче комплексов личной неполноценности, как старых, так и вновь приобретенных?

Наступил Новый, 2000 год. Миллениум. Занавес.

ГЛАВА 2

В КОТОРОЙ ВЫЯСНЯЕТСЯ, ЧТО МОСКВА — САМЫЙ ДОРОГОЙ ГОРОД ПОСЛЕ ТОКИО

Сергей не вернулся, как я ни молилась. Я, конечно, молилась не очень интенсивно, больше гадала. Во тьме кофейной гущи подружки то видели моего благоверного, то не видели. То видели, но со стаяй демонов под руку. Или самого, но с черными крыльями. Я перепугалась и перекинулась на карты таро. В них тут же выпали несущие беду таинственные рухнувшие башни и какие-то еще старшие арканы (красивое слово) со всякими гадкими обещаниями. Я уже было совсем отчаялась, даже сделала бы приворот, о котором талдычила группа сочувствующих мне подруг. Но... приворот стоил пятьдесят баксов, и я поняла, что не тяну на помощь потустороннего мира. Тогда я, по совету консилиума подруг во главе с Мотькой, купила газету «Работа и получка». Тот же консилиум вручил мне пачку истрепанных «Космополитенов», заверяя, что это феминистическое чтиво поможет мне осознать свою дремучесть, изжить комплексы и стать Женщиной, измениться до неузнаваемости. После этого, однозначно, Сергей должен будет приползти ко мне на коленях, вымаливая прощение и разрешение вернуться. Вот мудрость, которую я почерпнула из этой стопки в первые же полчаса чтения: «Радуйся жизни, получай удовольствие от всего, что тебя окружает».

Я выдавила из себя улыбку и начала свой телефонный марафон. Первым местом, которое я сочла достойным, оказалась вакансия секретаря в офис. А что, работа непыльная. Наверняка там ценят исполнительность и аккуратность.

— Алло, вы ищете секретаря? — спросила я у вежливой ти-